

КАК ВСЕ ЭТО ПРОИСХОДИЛО

Галиулла и Самигулла Касимовы. В начале 20-х годов в напряженной политической атмосфере Татарии эти имена упоминались весьма часто. Яркие сторонники "левых", всеми силами поддерживавших С.Саид-Галеева. Сейчас о них напоминает только остановка трамвая и улица "Братьев Касимовых". В этом смысле им "повезло", ибо намного более крупные государственные деятели Татарстана - К.Мухтаров, Р.Сабилов, Г.Мансуров, М.Брундуков, М.Будайли - так называемые "правые султангалиевцы", такой чести не удостоились... На это были свои причины, о которых мы тоже скажем. В середине 30-х годов в период большой чистки были расстреляны или погибли в лагерях многие из тех, кто ожесточенно нападал друг на друга в первые годы советской власти в рядах одной партии, - левые и правые, центристы и националисты. Ударной силой в борьбе с "султан-галиевцами" были левые. Надобность в них миновала в конце 20-х, главным теперь стало единомыслие.

К середине 50-х немногие уцелевшие стали возвращаться. Их восстанавливали в партии, давали какие-то небольшие привилегии в виде персональных пенсий, квартир и пайков. Но большинство получило свою порцию похвал посмертно. Над "султан-галиевцами" же висело проклятие: реабилитация обходила стороной как погибших, так и очень немногих выживших. Предполагалось, что хотя они и были репрессированы юридически незаконно, но в политическом плане их осуждение было верным. Черед их реабилитации наступил только в начале 90-х. Среди тех, кто вернулся в середине 50-х, был и Самигулла Касимов - участник гражданской войны, воинствующий

левый, один из самых ярых врагов "султангалиевцев" в 20-е годы. Брат его Галиулла, работавший в Москве и являвшийся более крупной политической фигурой, погиб в годы террора.

Сейчас все более явственно вырисовывается механизм репрессий 30-х, и тем более ценны воспоминания немногих выживших крупных партийных и государственных функционеров.

И вот перед читателем одно из редких свидетельств того, как все это происходило. Заметим, что при всей суровости допросов они еще не дошли до крайней степени жестокости, когда на следствии ломали руки и ребра, забивали насмерть. Эти времена наступят в октябре 1937 года, когда придет известное указание ЦК о допустимости любых методов доведения "до признания". Так что Самигулле "повезло".

А теперь о трех фамилиях, упоминаемых в документе. Х.Габидуллин - председатель СНК ТАССР в 1924-1927 годах, расстрелян в 1937 г. А.К.Лепя - первый секретарь обкома, будет арестован в Кремлевской больнице, привезен в сентябре 1937 года в Казань, подвергнут пыткам и расстрелян в мае 1938 года. Начальнику отдела НКВД Я.Веверсу повезет. Он благополучно уедет из Казани и избежит участи многих "ежовцев", в свою очередь расстрелянных в 1939-1940 годах. Тогда были, например, расстреляны нарком внутренних дел Республики Михайлов и его заместитель Шелудченко. Веверс сделает неплохую карьеру, станет генерал-лейтенантом в Риге, где будет министром госбезопасности Латвии, и похоронят его на аллее почета центрального кладбища.

Лариса Сулима
аспирантка КГУ.

"Никогда не увидишь свою жену и детей"

(ВОСПОМИНАНИЯ С.КАСЫМОВА ОБ АРЕСТЕ В 1937 г.) *

Ночью, около 12 часов арестован, без предъявления обвинения и после меня арестовали всю семью.

В НКВД, по прибытию, весьма "вежливо", как джентельмен, встретил меня начальник секретно-политического отдела - Веверс Я.Я. После этого, внизу до гола сняв одежду и белье, ощупали все места моего тела, вплоть до нескромных мест. После этой длительной процедуры меня забросили в одиночную камеру, без лежанки. Лечь и сесть было невозможно.

После четырех/пяти суток стоянки, уже обессилев, в бессознательном состоянии, начал допрашивать меня, а после этих мучительных процедур он - Веверс направил меня вниз, где производили "особые процедуры" и после этого меня он передал следователю.

Через несколько суток и недель меня начали допрашивать и требовали подписать документ без прочтения текста. Следователь хотя и допрашивал почти до утра, я протокол допроса не подписывал. Тянулось это долго, почти в течении месяца.

Заходя в кабинет следователя, как бы помочь следователю, Веверс, сначала мягко, ласково просил подписать обвинительный документ, а уже позднее всякими угрозами. Фамилию следователя не помню. Он вынул из ящика письменного стола солидный брошюрованный рукописный, примерно около ста листов, положил на стол и сказал, что надо вот этот документ подписать. Я возразил, что как можно подписать, не зная содержания его текста. Он тут же мне сказал, что все равно придется подписать, не читая самого документа. Все же он начал читать. Я спокойно послушал текст первой страницы. Он открывал второй лист. Тогда я ему сказал, что я никогда не подпишу этот документ, какие бы условия не предложили. На этом же первом листе обвинительного документа было написано, что якобы мы, татары, стремились отделиться от России и создать независимую от России татарскую республику и, что создаем националистическую татарскую республику, якобы мы решили создать Татарскую национал-социалистическую партию якобы возглавляет - Касымов (я), во главе республики президент - Габидуллин, правительство возглавляет.....(фамилию не помню).

Когда все способы обычного характера угрозы не могли заставить меня подписать, он употребил новый способ, а именно в одну из ночей, он применил последний новый способ угрозы, чтобы заставить подписать протокол следствия.

На другую ночь, следователь поставил меня к стене в глубине большой комнаты и сказал: "Не двигайся, стой на месте".

Через несколько минут зашел один из сотрудников с заряженным в руках наганом и сказал: "Не шевелитесь", встал с правой стороны от меня, через несколько минут зашел другой, также с наганом, встал слева от меня.

Последний - третий - Веверс, зашел также с заряженным браунингом и, прямо подойдя ко мне, направил на меня браунинг и сказал: "Сейчас же застрелю если не подпишешь обвинительное заключение, никогда не увидишь свою жену и детей". Слегка улыбнувшись, я сказал ему, что "так могут

* Особенности стиля, орфография и пунктуация документа сохранены

застрелить бандиты на темных улицах". Он ничего не сказав, свой браунинг вложил в кабуру и повернулся, ушел, не сказав ничего. А за ним ушли остальные двое.

После длительного сидения в камере нижнего этажа здания НКВД, меня перевели в тюрьму на улице Красина в Казани. Через несколько дней сидения в коллективной камере, меня посадили в нижний этаж абсолютно темной сырой камеры рядом с уборной, где отсидел 10 суток без горячей пищи, 200 граммов хлеба в сутки.

Для того, чтобы убедить партийную общественность и народ, начальник секретно-политического отдела Татарского МГБ-Веверс Ян Янович (ныне проживает в Риге), огульно оклеветал на страницах газеты "Красной Татария" в N 168 и 169, меня и ряд других товарищей, как троцкистов-контрреволюционеров, изменивших якобы партии. А также, когда я был вызван секретарем Обкома - Лепа на беседу перед постановкой на бюро обкома мой личный вопрос, он с первых же слов грубо закричал, что якобы я двадцать лет обманывал партию, был троцкистом, занимался обманом партии и т.д., без единого факта.

Уже после ареста меня, тот же Веверс Я.Я., докладывая Казанскому партийному активу, как бы отчитываясь перед активом, ничего не мог сказать обо мне кроме, как только: "Теплые места заняли троцкисты - Сафа Бурган, Касимов Самигулла" (ж-л "Большевик Татарии" N 20 за октябрь 1937 г.)

Это еще раз доказывает, что я абсолютно не виновен перед партией и советским народом.

ЦХИДНИТ. Ф.30.Оп.3.Д.437.